

- (нач. XII в.) и Евсевиевом (1283 г.) евангелиях (см.: *Апракос Мстислава Великого*. Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983, 111в; *Архангельское евангелие 1092 года. Исследования, древнерусский текст, словоуказатели*. М., 1997, 70; *Євсєвієє євангєліє 1283 року*. Під ред. В.В. Німчука. К., 2000, 59).
- 10 *Творения святого Ипполита, епископа римского, в русском переводе*. Вып. II. Казань. 1899, 9–46.
 - 11 *Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в.* Изд. К.И. Невоструев. М., 1868. Ч. II, 1–111.
 - 12 *Слово об антихристе*, 31–32.
 - 13 Это же очевидно и из описания рогов «четвертого зверя»: и десѣтъ рогѣ ѣмоу вѣашѣ. Сѣмѣотрихѣ въ розѣхѣ ѣмоу и сѣ рогѣ дѣругѣмъ малѣ. вѣсѣхожаашѣ посѣдѣхѣ ихѣ. (*Слово об антихристе*, 32).
 - 14 *Творения*. Вып. II, 19.
 - 15 *Слово об антихристе*, 32.
 - 16 Топорков А.Л. *Заговоры*, 53.
 - 17 *Слово об антихристе*, 54.
 - 18 *ПСРЛ* 3: 75.
 - 19 *Словарь древнерусского языка (XI–XII в.)*. М., 1989. Т. 2, 392.
 - 20 Топорков А.Л. *Заговоры*, 51.
 - 21 Св. Ефремъ Сиринѣ. Слово на Пришествіе Господне, на скончаніе мира и на пришествіе антихристо. *Творения*. Т. 2. 1993, 257.
 - 22 Можно предположить, что в нашем «исходном тексте» *инь* было написано с ижицей (ѣнѣ), которую последующие писцы в зависимости от обстоятельств могли понимать и как *оу* (ѣнѣ) и как *ю* (ѣнѣ) (о функции ижицы и ее субститутах в славянских текстах см. обстоятельно: Александр Б. Страхов. Об орнаментальных принципах организации строки в древнерусских текстах как основе графико-орфографического варьирования. *Paleoslavica* (IX, 2001), 5–71; Александр Б. Страхов. О древнерусской строке, московской «ижице» и греческой «гамме». *Paleoslavica* (XIV, 2006), 320–326). Вероятность указанного написания *инь* подтверждается и формой *вѣдѣнѣсѣ* в том же тексте. Благодарю А.Б. Страхова за консультацию.

Вадим Ставиский

975 г. Случай на охоте (варианты прочтения сюжета)¹

Несчастный случай на охоте — вдали от людских глаз — всегда подозрителен. В этом смысле летописная статья 975 г., казалось бы, подобных загадок лишена. В ней прямо говорится об умышленном убийстве:

Ловѣ дѣюще Свѣналдичю . именемъ Лють . ишедъ бо ис Києва гна по звѣри в лѣсѣ . и оузрѣ и Шлегъ . и ре^е кто се естъ . и рѣша ему Свѣналдичъ . и заѣхавъ уби и . бѣ бо ловы дѣа Шлегъ . и ѡ то[мъ] бы^е м[еж]ю ими ненависть . Ярополку на Шльга . и молваше всегда . Ярополку Свѣналдъ . поиди на брать свои . и прими волость его . хотя ѡмьстити снѣ своему².

В то же время рассказ оставляет впечатление некой эпической упрощенности³. Прежде всего, удивляет, как убийство сына воеводы (хотя и весьма близкого к княжескому дому) могло стать поводом для братоубийственной войны самих князей — Ярополка и Олега. Другими словами, как охота переросла в войну?

Отвечая на этот вопрос, очевидно, будет уместно коснуться смыслового объема понятия *охота* с точки зрения людей средневековья. Тем более, этого

требует «эпичность» рассказа 975 г., поскольку, по авторитетному заключению Б.Н. Путилова, эпический сюжет, как правило, не ограничивается рамками прямого повествования, а предполагает наличие подтекста⁴. В качестве примера ученый приводил былинное изображение охоты Михайла Потыка, которое «есть не что иное, как метафора сватовства»⁵.

В свою очередь, подтвердим, что славянский фольклор явственно демонстрирует единство мотивов *охоты, брака и вокняжения (приобретения власти над территорией)*⁶. Например, в колядках ловы выступают как аллегория сватовства, добывания невесты⁷.

Лингвисты, будучи хорошо знакомы с совпадением мотивов *гонимы зверя и сватовства*, предлагают интересную этимологию слова *жена* — «та, за которой гонятся»⁸. *Женщина*, как и *животное*, понималась хтонично, соотносилась с нижним ярусом мира⁹. Эта общность образов *животного и женщины* в их приуроченности к *земле* — результат последовательно появившихся в первобытности представлений: сначала населенная территория ассоциировалась с животным-тотемом, а в дальнейшем, с возникновением дуально-родовой организации, к отождествлению территории-рода с тотемом добавилась ее ассоциация с женщиной, матерью¹⁰. Позднее, как в раннеисторической практике, так и в фольклоре, приходящий со стороны претендент на престол, приобретая власть, закреплял ее браком с дочерью или женой побежденного им предшественника, поскольку эта женщина символически сливалась с «территорией страны»¹¹.

В свое время мы предложили обоснование ритуальной природы охоты князей, главным образом, в связи с былинной о Волхе Всеславьевиче¹². Очевидно, охота, как один из княжеских *трудо* (согласно Мономаху), подтверждала власть князя, его связь с территорией, была своеобразным намеком на «брак» с самой Землей¹³. Так более конкретно можно охарактеризовать смысл «ритуальности» охоты правителя, которую предположил в своей книге Ю.М. Кобищанов, включив ее при этом в единый комплекс полюдья¹⁴.

По нашему мнению, наиболее полно триединство мотивов *охоты-брака-вокняжения* может быть прочитано в подтексте *Сказания о построении града Ярославля* XVIII в., взявшего за основу какие-то местные предания. Здесь рассказывается о двух посещениях Ярославом Мудрым, находившимся тогда на ростовском княжении, селища Медвежий угол. Во время второго из них князь победил выпущенного на него из клетки лютого зверя (очевидно, медведя), заложил церковь св. Ильи и основал град своего имени¹⁵. Очевидно, здесь угадывается известный этнографии охотничьих народов «медвежий праздник», представлявший собой чествование родом своих зятей, которым и предоставлялось почетное право убить специально выращенного медведя¹⁶. Посвящение князем церкви св. Илье, напоминающее о сыне Ярослава Илье от неизвестной жены, может отвечать княжеской традиции основания церкви в честь патрона новорожденного сына на месте, связанном с матерью¹⁷. Закладкой Ярославля, очевидно, завершался комплекс *брак-охота-установление власти*.

Несмотря на первоначальную целостность мотива *охоты-брака-вокняжения*, в легендах об основании городов или об их завоевании обычно на первый план выходят только отдельные пары его составляющих. Так, цикл исторических преданий об основании Вильнюса князем Гедимином связывает с удобными охотничьими угодьями зарождение городов Трок и Вильны (Вильнюса). Последнему предшествовало убийство князем тура, а также его вещий сон о железном волке, в котором ворожбит увидел образ будущей княжеской столицы¹⁸. Аналогично, с убийства на охоте тура берет начало легендарная история Молдавской земли¹⁹. В отношении Киева вспоминаются летописные фрагменты, в которых первые князья-поляне показаны звероловами, что своеобразно подчеркивает их легитимность²⁰. Применение же к столице матримониального мотива читается в *Слове о полку Игореве*. Фраза «връже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу» признается метафорой овладения Киевом (1068 г.)²¹. В то же время, как Всеславу в поэме, так и его былинному аналогу Волху Всеславьевичу, присущи ярко выраженные охотничье-оборотнические черты.

Если летописный сюжет о гибели Люта Свенельдича имеет эпическое происхождение, то «столкновение на охоте» могло изображать не узко-территориальный спор, а символизировать принципиальную проблему борьбы за власть между киевским и древлянским князьями, поскольку «охота» (как «брак» с самой Землей) была одним из символов легитимности княжеской власти. В то же время, не исключено, что, согласно одной из народных трактовок, смертельный поединок двух охотников мог разгореться всего лишь из-за сватовства к одной и той же девушке. Но этим интерес рассказа о Люте не исчерпывается.

Примерно в 30 км к северу от Киева, за Вышгородом, по трассе Киев-Минск находится населенный пункт, давший название известному плацдарму Великой Отечественной войны — с. *Лютеж*²². К северу, в непосредственном соседстве с ним, расположено небольшое село *Туровча*²³. Оба — на берегу Киевского водохранилища, несколько ниже устья Ирпеня — известны автору с детства. Название *Туровча* вполне может указывать на породу зверя, которого преследовал Лют²⁴. Проверая идею о связи Лютежа с Лютом на «новизну», мы убедились, что, как и во всем, что связано с этим персонажем, претендовать на оригинальность, практически, невозможно. Оказывается, гипотеза о связи Лютежа (и Туровчи) с сыном Свенельда, позже забытая, была известна уже Лаврентию Похилевичу²⁵.

О возможной приуроченности Лютежа к древнерусскому времени, хотя и без уточнения дат, говорят материалы археологической разведки А.И. Тереножкина в 1960 г., перед затоплением водами Киевской ГЭС. Около Лютежа, в урочище Довгаль, были найдены остатки селища времен древней Руси²⁶ (ныне скрыто водами моря). Автор сетовал, что проведение археологических разведок на этой местности было затруднено недостатком естественных обнажений, к тому же

берег между селами Лютежем и Вышгородом оказался малодоступен, так как он почти сплошь занят постройками, садами и огородами²⁷. Наличие в Лютеже древнерусской керамики подтвердила и разведка 1969 г.²⁸. В с. Туровча, согласно нашим разведкам в 1980-х гг. вдоль берега моря, аналогичный материал отсутствует. В связи с этим можно предположить, что с. Туровча, упоминаемое в середине XVII в., переняло название урочища (*Туровище* у Л. Похилевича), где некогда обитала популяция туров²⁹.

Интересно, что между Лютежем и Туровчей, на месте, ныне затопленном водохранилищем, находился одиночный курган, давший название урочищу. В урочище *Курган* в 1960 г. была найдена скифского типа уздечная бляшка³⁰. Старожилы вспоминали археологов, исследовавших «курган», хотя в публикациях о масштабных раскопках ничего не говорится. Поэтому о точном возрасте памятника судить сложно. Не ассоциировался ли курган с местом погребения убитого неподалеку Люта? Нужно учитывать, что именно существование т.н. «больших курганов» (как, например, Аскольдовой, Дировой или Олеговой могил в Киеве) давало толчок и обеспечивало длительное существование традиции о смерти или убийстве похороненных в них персонажей.

Информацию об охоте Люта исследователи трактуют по-разному. Так, Е.А. Мельникова склоняется к мысли о том, что сын воеводы своей охотой нарушил социальный порядок, поскольку, согласно *ПВЛ*, охота была сугубо княжеским занятием³¹. Б.А. Звиздецкий, не допуская умышленного нарушения Лютом феодальной этикета, считал, что его ловы проходили на спорных, вольных землях между реками Тетеревом и Ирпением, на которые могли претендовать и Олег, и Ярополк³². Возможно, более точная привязка места этого столкновения к Лютежу позволит посмотреть на «роковую охоту» в несколько ином ракурсе.

Общеизвестно, что финансовую основу благополучия правителей Руси X в. обеспечивал сбыт полюдья, порядок поступления которого в Киев описал Константин Багрянородный. Неизменность этого порядка, скорее всего, предполагал и Святослав, который, отправляясь в дунайский поход (под 970 г.), посадил Ярополка в Киеве, Владимира в Новгороде, а Олега «в деревѣхъ»³³. Однако, после его неожиданной гибели, древлянский и новгородский князья, очевидно, не приняв старшинства нового киевского князя, отказали ему в поставке дани. Вместе с тем, сосредоточение всего древлянского полюдья в руках Олега, думаем, также требовало своего сбыта, а значит — свободного доступа к днепровской магистрали³⁴. Лютеж, находящийся ниже впадения в Днепр Ирпеня, мог блокировать сплав древлянского полюдья. Но, в меньшей степени этому препятствовали бы Вышгород и Киев. Поэтому нейтрализация Олегом Лютежа, попытка которой могла произойти в 975 г., имела бы смысл только в том случае, если бы, как минимум, преследовала цель освободить древлянскому князю путь к овладению Вышгородом³⁵. В действительности мы не знаем, насколько далеко последствия нападения на Люта были просчитаны Олегом. Но, в свое время, В.П. Петров предположил, что, дублируя стратегическое положение столицы полян Киева, Вышгород когда-то был крупным

древлянским центром³⁶. Поэтому, не исключено, что столкновение под Лютежем указывает на планы Олега вернуть древлянский (?) Вышгород, дабы выдвигать Ярополку свои условия.

И еще одно, необходимое, на наш взгляд, замечание. Спустя два столетия после убийства Олегом Люта, Давыд Ростиславич, мирно охотясь недалеко от своей вышгородской резиденции, подвергся нападению со стороны другого охотника, Святослава Всеволодовича (под 1180 г.)³⁷. Спонтанное решение «имать» врага повлекло за собой цепь событий, закончившуюся вокняжением черниговского князя в Киеве.

Сходство двух летописных эпизодов несомненно. Что же касается их различия, то оно, прежде всего, в том, насколько по-разному мы их воспринимаем. Реальность второй охоты — вне подозрений, тогда как для изображения первой мы вполне допускаем аллегоричность, даже несмотря на возможность ее точной локализации.

Очевидно, предвзятость в нашем восприятии летописных данных о X веке обусловлена не только их фрагментарностью, но и тем, что первые исторические сведения попадают на страницы хроник непосредственно из устных источников, сохраняя в себе следы эпоса, мифа. При этом легенды о «великанах сумрака», «богатырях» во многом отражают само мировоззрение последних. В частности, «охота» была для них больше, чем просто потехой, а именно — одним из средств институализации власти. «Убийство соперника на охоте» приобретало смысл «доказательства персональной власти» — будь то реальностью или всего лишь метафорой устного сказания.

- 1 Автор выражает благодарность за консультации Л.И. Францевичу и Е.П. Кабанцу.
- 2 *ПСРЛ* 1: 74. Единственное упоминание о Люте породило весьма обширную историографию, в частности, на тему его родословной. См., напр.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. *История русского летописания*. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1, 234–257; Лихачев Д.С. «Устные летописи» в составе «Повести временных лет». *Исторические записки*. Т. 14. М., 1945; Рыбаков Б.А. *Древняя Русь. Сказания, былины, летописи*. М., 1963, 55–58, 194–196; Поппэ А. Родословная Мстиши Свенельдича. *Летописи и хроники*. 1973. М., 1974, 53–54.
- 3 По мнению А.А. Шахматова, источником сообщения об охоте Люта могло быть сказание или песня (Шахматов А.А. Разыскания, 250).
- 4 Путилов Б.Н. Об эпическом подтексте (На материале былин и юнацких песен). *Славянский фольклор*. М., 1972, 4.
- 5 Путилов Б.Н. Об эпическом подтексте, 12.
- 6 Писаренко Ю.Г. Перший шлюб Ярослава Мудрого. *Освіта і культура XI ст. Діяльність Ярослава Мудрого і сучасність. Матеріали конференції*. К., 1996, 33.
- 7 «Далеко чути, що Степасенько їде, / Ой лісом їде, на кунюньку стріляє»; «Оце вам, браття, куна в дереві, / А мені, браття, дівка в теремі» (*Золотослов. Поетичний космос Давньої Русі*. Упор. та переклади М. Москаленка. К., 1988, № 486, с. 257; № 373, с. 216). В процессе сватовства на вопрос: «— Кто такие и зачем стучитесь?» — дружки отвечают: «Идем от князя новобрачного до княгини первобрачной, прося здоровье спросить. — У нас нет невесты, обернулась лисицей, убежала в чистое поле, — не знаем, где взять...» (цит. по: Еремина В.И. *Ритуал и фольклор*. Л., 1991, 138).
- 8 Левинтон Г.А. Из лингвистических комментариев к славянскому обрядовому тексту. *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста*. М., 1977, 339. Когда же цель «князя-охотника» достигнута, после первой близости

- молодых (т.н. коморы) гости поют: «Ведуть тура з ложа, / За ним мати Божа. Чи тур, чи туриця, / Чи хороша молодича» (*Українські сороміцькі пісні*. Упор. М.М. Красилов. Харків, 2003, № 235, с. 82). Своеобразно оценивается и то, насколько девушка оказалась честной: «Годувала мати бобра, шо у неї дочка добра. Годувала мати тура, шо у неї дочка курва» (с. Тепеница, Олевского р-на, Житомирской обл.) (Несен І.І. *Весільний ритуал Центрального Полісся: традиційна структура та реліктові форми (середина XIX—XX ст.)*. К., 2005, 180).
- 9 В русской свадебной песне: «...В кипарисне деревце было три угодище: / Первое угодище — трои пчелы ярые, / Другое угодище — звончатые гусельцы, / Третье -то угодище — душа красна девица» (Цит. по: Виноградова Л.Н. *Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования*. М., 1982, 104). В других вариантах этих песен с нижним ярусом связывается брачное ложе или отмечается, что там «горностаи гнездо свивал» (Иванов В.В., Топоров В.Н. *Исследования в области славянских древностей*. М., 1974, 23). Змей на шерсти, у корней мирового древа — характерная ипостась Противника Громовержца (Иванов В.В., Топоров В.Н. *Исследования*, 31).
 - 10 Семенов Ю.И. *Как возникло человечество*. М., 1966, 513.
 - 11 Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Л., 1986, 335. Примерами могут служить сватовство Мала Древлянского к Ольге, женитьба Владимира на Рогнеде, а в случае бескровного престолонаследия — Пшемисла на Либуше (Толочко О.П. До питання про сакральні чинники становлення князівської влади на Русі у IX–X ст. *Археологія*. 1990, № 1, 61–62).
 - 12 Писаренко Ю.Г. Князівські лови в традиційній свідомості давньоруського суспільства. *УІЖ*. 1993, № 7–8, 44–52; Писаренко Ю.Г. *Велес-Волос в язичницькому світогляді Давньої Русі*. К., 1997, 98–105.
 - 13 Мягкая критика этой идеи принадлежит В.М. Рычке (Котляр М.Ф., Ричка В.М. *Княжий двір Південної Русі X–XIII ст.* К., 2008, 174).
 - 14 Кобищанов Ю.М. *Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций*. М., 1995, 216, 242, 254–264.
 - 15 Лебедев А. *Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле*. Ярославль, 1877, 6–11; Писаренко Ю.Г. До питання про першу сим'ю Ярослава Мудрого. *Археологія*. 1995, № 1, 51–61; Писаренко Ю.Г. Неизвестная страница жизни Ярослава Мудрого. *Ярославская старина*. Вып. 4. Ярославль, 1997, 16–23.
 - 16 Петров В. Опыт стадийного анализа «охотничьих игр» (К постановке вопроса). *Советская этнография*. 1934, № 6, 141–144.
 - 17 Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. *ТОДРЛ*. Т. 16. М., Л., 1960, 103–104.
 - 18 *ПСРЛ* 17: 261. В связи с «железным волком», как символом города, нельзя не вспомнить о римской волчице (Топоров В.Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф. *Балто-славянские этноязыковые контакты*. М., 1980, 40–50 и сл.).
 - 19 *Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв.* М., 1976, 57–58 и сл.
 - 20 Писаренко Ю.Г. Першопчатки Києва: наукові уявлення та народна традиція. *Київська старовина*. 2002, № 2, 46; Мельникова Е.А. Легенда о Кие: о структуре и характере летописного текста. *А с его сребро*. *Збірник праць на пошану М.Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя*. К., 2002, 16.
 - 21 Рыбаков Б.А. *Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве»*. М., 1991, 40–41.
 - 22 Интересно, что населенный пункт с названием *Лютеж* встречается также в 56 км к северо-востоку от Любеча, что может указывать на роль семьи Свенельда по сбору дани с радимичей.
 - 23 Еще в начале 1970-х гг., в связи с размыванием берега водами моря в районе села, большинство его жителей переселилось в с. Новые Петровцы. Очевидно, Туровча рассматривается как, своего рода, окраина Лютежа. Во всяком случае, на новых топографических картах Киевской обл. этот населенный пункт не указан.
 - 24 Парность топонимов *Лютеж* (от *лють* — «волк») и *Туровча* напоминает соседство *Турья гора* — *город-железный волк*, Вильнюс литовской легенды.
 - 25 Похилевич Л. *Уезды Киевский и Радомысльский. Статистические и исторические заметки о всех населенных местностях в этих уездах и с подробными картами их*. К., 1887, 13: «Лютеж с. [...] Получило название, по мнению некоторых, еще в древности по имени Люта сына Свенельдова, убитого на этом месте Олегом князем Древлянским во время охоты. [...] Немного выше села по ручью есть урочище, называемое *Туровище* с признаками давнего жилища, состоящими в насыпях и горбах. Название его жители объясняют пребыванием Турок или Татар; но кажется справедливее будет производить его от зверя (*vos primigenius*), исчезнувшего в наших странах около XVI в., на которого любили охотиться и из-за которого, может быть, вели

- войны наши древние князья. А что здесь существовала деревушка еще в 1654 году под именем *Туровча*, имевшая тогда 5 дворов, на это есть письменные доказательства». Ср.: Похилевич Л. *Сказания о населенных местностях Киевской губернии*. К., 1864, 9–10.
- 26 Тереножкин А.И. Археологические обследования в зоне Киевской ГЭС в 1960 г. *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*. Вып. 12. К., 1962, 6.
 - 27 Тереножкин А.И. Археологические обследования, 3.
 - 28 Кравченко Н.М., Бугай А.С., Магомедов Б.В. Розвідки на Київщині. *Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.* Вип. 4. К., 1972, 347.
 - 29 До затопления водами моря, прилегавшая к селу с юга пойма Днепра, представляла собой удобные для пастбищ заливные луга. Ныне занимаемый остатками села берег выглядит как понижение между высоким берегом в районе Лютежа и аналогичной возвышенностью от Туровчи в сторону устья Ирпеня. Очевидно, эта относительная низина была удобна для выхода туров из леса на просторное днепровское пастбище; Подробнее о туре см.: Мавродин В.В. «Тур», «плотый зверь» и «пардус» древнерусских источников. *Исследования по отечественному источниковедению*. М., Л., 1964, 483–485.
 - 30 Тереножкин А.И. Археологические обследования, 6. Высказывалось предположение о принадлежности этого кургана к эпохе бронзы, поскольку в 300–400 м к юго-западу были обнаружены остатки культурного слоя эпохи поздней бронзы (Бидзиля В.И., Пачкова С.П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. *Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье*. Л., 1969, 53).
 - 31 Мельникова Е.А. Легенда о Кие, 16.
 - 32 Звіздецький Б.А. Про кордони Древлянської землі. *Археологія*. 1989, № 4, 51.
 - 33 *ПСРЛ* 1: 69.
 - 34 Конкретное указание о том, что древляне пользовались днепровским путем, содержит рассказ летописи об их посольстве к Ольге (*ПСРЛ* 1: 55).
 - 35 В этом смысле интересна и стратегическая роль, которую играл Лютеж во времена Л. Похилевича (2-я пол. XIX в.). Он находился на т. н. военном тракте к Чернобылю, шедшем вдоль береговой линии от Киева, через Вышгород и Петровцы. По мнению автора, в числе прочих ведущих из Киева дорог, этот путь существовал уже в древнейшее время (Похилевич Л. *Везды Киевский и Радомысльский*, 13, 15).
 - 36 Петров В.П. Исторична топографія Києва (Першопочатки міста). *Історичні джерела та їх використання*. Вип. 1. К., 1964, 121–123.
 - 37 *ПСРЛ* 2: 614–615.

Юрий Писаренко

«Изломи копье свое»

Традиционно считается, что основным боевым оружием древнерусских дружинников, а тем более князей, являлся обоюдоострый меч. Его частые упоминания в письменных источниках, кажется, не оставляют сомнений в правильности такого представления. И, тем не менее, в военных сражениях первенство было не за мечом, но за копьем. Не случайно при их описании, летописцы особо подчеркивали роль именно этого оружия. В определенном смысле оно являлось символом военного противоборства. Обычный факт ломания копий во время боя превратился в письменных источниках, по существу, в литературный образ.

В 1149 г. молодой князь Андрей Юрьевич (впоследствии Боголюбский) под стенами Луцка «въѣха переже всихъ въ противныа . и дружина его по немъ ѣхаша . изломи Андрѣи копие свое . въ супротивнѣ своемъ»¹. Практически аналогично описано участие того же князя и в битве 1151 г. на Руте, где сошлись в противоборстве дружины великого киевского князя Изяслава Мстиславича и